

между философско-религиозными и светскими идеями в музыкальной культуре, проследить их взаимосвязь, сосуществование. Ведь именно в переходные периоды происходит интенсивная перестройка философских основ мировоззрения, следствием чего становится решительная переоценка ценностей в теории и практике искусства.

Примечания

¹ См.: *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. М., 1990. Т.1.

² См.: *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.

³ См.: *Левая Т.* Сергей Рахманинов в зеркале отечественной музыкальной публицистики // Музыкальная академия. 2003. №3. С.167–171.

⁴ См.: *Рубцова В.* В контексте «Серебряного века» // Музыкальная академия. 2003. №3. С.175–178.

⁵ *Нестьев И.В.* Жизнь Сергея Прокофьева. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1973. С.125.

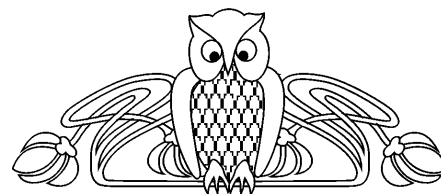
⁶ *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С.221.

УДК 1(063)

БИОЭТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

Ф.Т. Нежметдинова

Казанский государственный аграрный университет
E-mail: nadgmi@mail.ru

В статье делается попытка определить место биоэтики как нового научного знания. Рассматривается представление о сущности биоэтики как понятия и как социального феномена с точки зрения факторов ее возникновения. Особое место в этой системе занимает комплекс причин, связанных с современными научными стратегиями, именно с четвертой глобальной научной революцией, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука.

Ключевые слова: биоэтика, сущность биоэтики, современные научные стратегии, четвертая глобальная научная революция, постнеклассическая наука.

Bioethics in the Context of Contemporary Scientific Strategies

F.T. Nezhmetdinova

The article shows the attempt to define the place of Bioethics as a new scientific knowledge. The image of essence of Bioethics as concept and social phenomenon from the point of view of factors of its genesis is being covered. The special place in this system is taken by the complex of reasons connected with contemporary scientific strategies, in particular with the Forth Global Scientific Revolution, which creates the new postneoclassic science.

Key words: bioethics, essence of bioethics, contemporary scientific strategies, forth global scientific revolution, postneoclassic science.

Для того чтобы иметь более четкое представление о сущности биоэтики как понятия и социального феномена, необходимо рассмотреть факторы ее возникновения, определить ее место в качестве нового научного знания. Особое место в этой системе занимает комплекс причин, связанных с современными научными стратегиями, а именно – с четвертой глобальной научной ре-

волюцией, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука. Для нее характерно: применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах хранения и получения знаний, рост междисциплинарных и проблемно-ориентированных исследований не только в социально-гуманитарной, но и естественно-технической (например, прогнозные сценарии, социальная экспертиза и т.д.) сферах. В одно и тоже время происходит реализация комплексных исследовательских программ, где принимают участие специалисты различных областей знаний. При изучении «человекоразмерных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, это затрагивает гуманистические ценности, когда исследователю приходится решать ряд проблем этического характера и определять границы возможного вмешательства в него¹. Эту идею поддерживает и В.А. Садовничий, который говорит о том, что в наступившем веке мы все в большей степени будем сталкиваться с запретами и ценностями морально-этического характера, которые нельзя будет создать или преодолеть только технологическими средствами, сколь бы совершенными последние ни были, так как, в конце концов, именно эти

ценности определяют дальнейший путь цивилизационного развития. И здесь, с его точки зрения, не так много вариантов: или человечество выберет концепцию развития, основанную на всевозрастающем росте потребления, которая до сих пор является доминирующей и основана на старой системе этических норм и ценностей, или люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Причем заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством².

Очевидно, что это высказывание является продолжением мысли В.И. Вернадского, который говорил о том, что человечество впервые в истории становится «мощной геологической силой» и в этой связи встает вопрос «о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»³. Это новое состояние В.И. Вернадский обозначает понятием «ноосфера»⁴. Можно предположить, что благодаря этому высказыванию за человеком признается роль творца и преобразователя, властителя и распорядителя не только своей социальной, но и биологической сущности. Причем речь идет не только о человеке, но и о всей биосфере в целом. Тем самым в этом вопросе уравниваются позиции Бога и человека, что потом станет одной из основных площадок биоэтического дискурса между академической и религиозной позициями. И здесь нельзя не солидаризироваться с П.Д. Тищенко, который подчеркивает, что в «эпоху биотехнологий человек разыгрывает самую опасную игру – он «играет в бога»»⁵.

Другой характерной чертой четвертой глобальной научной революции является синтез и интеграция наук. Сегодня возникает необходимость экспликации фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями⁶. В этом контексте биоэтика играет роль гуманитарной экспертизы, предупреждая и прогнозируя возможные негативные последствия современных достижений науки для биосоциальной сущности человека.

Осмысление феномена биоэтики в контексте глобальных проблем и тенденций развития постнеклассической науки невозможно без анализа эволюции дисциплинарных приоритетов среди современных отраслей знания. Наука в последней четверти XX и начале XXI вв. представила бесспорного лидера современной науки – биологию. Причем биологию не как чистую дисциплину, а как основу комплекса наук о жизни, понимаемую многими как систему, в которой объединены биологическое и медицинское знание. Несомненно, этот приоритет, который сложился в XX в., сохранится в первой половине нынешнего столетия, а может, и дольше⁷.

Говоря о биологической составляющей цикла наук о жизни, речь идет, прежде всего, о качественном росте биотехнологий, в том числе в таких сферах как медицина, сельское хозяйство, нанотехнологии и т.д. Ученые и специалисты считают, что уже в нашем веке с их помощью в общемировом масштабе будет решена продовольственная проблема и модифицируется система питания человечества. Все эти фантастические, на первый взгляд, возможности, порождают достаточно много опасений по поводу вероятного перехода биологических исследований в неуправляемую фазу «джинна из бутылки» и, соответственно, возникает потребность в особом механизме контроля. И здесь биоэтика как социальный институт накопила определенный опыт, выработала нормы и принципы, охраняющие безопасность здоровья и жизни человека⁸. Особо важно отметить принципиальное отличие последствий внедрения биотехнологий для человека от тех же, например, которые связаны с ядерной и атомной энергетикой. Как верно заметил В.А. Садовничий, в «случае с атомом человек выступает как бы наблюдателем, который стоит вне исследуемой им и подвергающейся воздействию Природы <...> Но, тем не менее, человек думает, что может защититься от этой опасности. То есть, как бы обойти природу стороной.

Генная инженерия такой возможности, пусть даже косвенной, человеку не оставляет. Она есть прямое и ничем не контролируемое вмешательство в эволюцию живой материи <...> Следовательно, наука приоб-

рела качественно новое, до сих пор неизвестное моральное измерение.

Вот здесь и возникает вопрос: дает ли разворачивающийся процесс глобализации, который в своей основе построен на принципе ускорения и непрерывного подстегивания эволюции, ясный и удовлетворительный для человечества ответ?»⁹.

Для Б.Г. Юдина ответ на этот вопрос очевиден (хотя и прозвучал он гораздо раньше, чем этот вопрос был задан), он заключается в том, что «лишь более глубокое и всестороннее, гармоническое развитие науки и техники на благо человека может привести к устранению негативных последствий науки и ее применений, но достичь этого можно лишь в социальных условиях, также ориентированных на благо человека как высшую цель»¹⁰. И здесь же речь идет о том, что в современной науке, в ее связи с человеком и обществом никто «не может уйти от проблемы этического выбора, и *оценки тех или необходимых решений* (курсив мой. – Ф.Н.) в случае их даже малейшего несовпадения с этическими, гуманистическими нормами как нарушения этих норм (и, значит, как, может быть, неизбежного, но все-таки зла) – такая оценка позволяет удерживать развитие негативных процессов на каком-то определенном уровне, бороться с ними, имея ясную перспективу»¹¹.

Эксперты справедливо полагают, что в целом науки о жизни в XXI в., подобно другим базовым направлениям мировых исследований, будут определять качество жизни и собственную эффективность с учетом практической востребованности. И здесь на первый план выходит здоровье в самом широком смысле этого слова, а именно – как совокупность физического, психического и социального благополучия в трактовке Всемирной организации здравоохранения.

Именно поэтому биомедицинские науки и технологии возглавили рейтинг наук о жизни в наступившем веке, определив для биоэтики одно из центральных мест в этом контексте. Вот как об этом говорит один из классиков биоэтики Д. Каллахана: «Понимание появления биоэтики поможет охватить панораму и сложность в этой области. 60-е годы XX века – подходящая точка отсчета даже при том, что имелись данные о новой

области и в более ранние десятилетия. В биомедицине 60-е годы были эрой экстраординарного технологического прогресса, которые открыли широкий диапазон трудных, по-видимому, новых моральных проблем»¹². Он подчеркивает, что достижение биомедицинских наук и их технологическое применение имели три больших результата, которые полностью сформировались к 1960 г. Они изменили много традиционных мнений о природе и характере медицины, возможностей и значения человеческого здоровья и, наконец, культурного представления о том, что такое человеческая жизнь. Сама медицина была преобразована из диагностической и паллиативной дисциплины в сильнодействующее средство, способное вылечить болезнь и эффективно предупреждать смерть. Традиционные понятия о жизни были заменены на представления о более длительной продолжительности жизни, контроль за воспроизводством и мощные фармакологические средства, способные изменить настроение и мысли. Появление биоэтики можно считать социальной реакцией на эти большие изменения.

В этой связи, по мнению Д. Каллахана, возник глобальный вопрос «Как людям разумно противостоять моральным проблемам, которые были вызваны слиянием больших научных и культурных изменений. Но этот большой вопрос открыл пугающий диапазон более конкретных проблем: кто должен иметь право контролировать (управлять) новыми технологиями на стадии становления? Кто должен иметь право или привилегию принимать судьбоносные моральные решения? Как индивидуумам можно было бы помогать в извлечении выгоды от новых медицинских технологий или, если надо, защитить от их вреда? Какие плоды медицинских достижений могут быть лучше представлены? Какое из человеческих достоинств способствовало бы более мудрому использованию новых технологий? Какие учреждения или законы, или инструкции необходимы для социальной регуляции всё возрастающих изменений?»¹³.

В XX в. новые биомедицинские технологии изменили фундаментальные основания нашей жизни, физического и нравственного бытия человека. Они представили потенци-

альную и реальную возможность вмешиваться в биогенетическую природу человека, управлять процессом репродукции и процессами умирания, трансплантировать органы и ткани. Появление многих современных биомедицинских технологий – таких как искусственное оплодотворение, клиническая трансплантология, жизнеподдерживающая аппаратура (искусственные сердце, почки, легкие) и пр., затронуло фундаментальные ценности общества. И здесь появилась необходимость, когда мнение последнего должно быть сформулировано и услышано при формировании стратегий и условий их практического применения¹⁴. «Тот, кто хочет представить себе свою жизнь в целом, обосновать жизненно важные ценностные решения и удостовериться в самотождественности, не может допустить, чтобы в этически-экзистенциальном дискурсе его заменил кто-то другой, будь то лицо или инстанция, которым оказывается доверие», – уточняет П.Д. Гищенко¹⁵.

Академик РАМН Ю.М. Лопухин отмечает: «Одним из важнейших итогов прошедшего XX столетия является осознание мировым сообществом потенциальной опасности необоснованного внедрения новых достижений биологии в практическую медицину. В конце века в силу ряда причин страх перед атомной бомбой сменился страхом перед “бомбой” медико-биологической»¹⁶. В начале XX века эта тенденция только усилилась. Согласно мнению экспертов, через два десятилетия вполне прогнозируем ряд поистине революционных достижений в исследованиях генома человека, в том числе и генной терапии¹⁷.

Наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, по мнению Ф. Фукуямы, это возможность изменения природы человека и в силу этого – перехода к «постчеловеческой» фазе истории, и он подчеркивает, что «человеческая природа существует, и это понятие является существенным. Оно создает стабильную преемственность нашего видового опыта. Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и поэтому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либераль-

ной демократии и самой природы политики»¹⁸. Рассуждая об этом, Ф. Фукуяма делает акцент на наиболее актуальных, с точки зрения последствий, для человеческой природы и развития социальной инженерии, направлениях современной науки: расширении знаний о мозге и биологических источниках поведения человека; нейрофармакологии и модификации эмоций и поведения; продлении жизни; генной инженерии¹⁹. Контроль над поведением человека, связано ли это со стремлением стабилизировать его природу или ее изменить, по мнению ряда исследователей, актуализирует такое понятие и явление как «биовласть». В современном мире власть в своем проявлении опирается на определенную природу человека (морального, коммуникабельного, социально адекватного и т.д.). Любое её изменение может рассматриваться как покушение на базис власти и привести к его уничтожению. Неслучайно биовласть становится в современном мире столь актуальной, так как «от того, какова есть природа человека, зависит прочность общественных и властных конструкций современного мира»²⁰.

Все вышеназванные проблемы затрагивают основы сохранения человеческой личности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Выше уже упоминалось, что последнюю проблему часто представляют как современный антропологический кризис. Говоря об этом, В.С. Степин имеет в виду угрозу человеческой телесности со стороны активно деформирующегося современного техногенного мира. Эта угроза, по его мнению, особенно ярко проявляется в нескольких направлениях. Первое связано с всевозрастающим информационным потоком и стрессовыми нагрузками, загрязнением окружающей среды и увеличением количества канцерогенов, накоплением вредных мутаций. Технические возможности современной медицины, которые дают шанс спасти и продлевать жизнь, поражают воображение. Порог веса рождения младенцев, с которого он считается жизнеспособным, опустился до 500 г, а человек, находящийся в коме и подключенный к искусственным органам, может практически сколь угодно долго находиться в таком вегетативном, но живом состоянии.

Все это приводит к тому, что биологическое воспроизводство человека подвергается опасности и существует угроза ухудшения генофонда человечества, так как происходит устранение действий естественного отбора и выбраковки носителей генетических ошибок из поколения в поколение. Второе направление является следствием первого, а также связано с достижениями современных биотехнологий, которые направлены на лечение и профилактику ряда наследственных заболеваний. Речь идет о геной инженерии, которая не только позволяет добиться положительных результатов в лечении, но и представляет возможность вмешательства в генетику самого человека, подвергая опасности изменения основы его телесности²¹.

Говоря о технологических вызовах, редко кто из современных исследователей, ученых не упустит возможности высказать тревогу и призвать к бдительности. Д. Нейсбит, анализируя характерные черты современного общества (на примере американского), называет его Зоной Отравленной Технологии²². Интересно в этом отношении исследование Д. Нейсбитом изменения смысла понятия «технология» в американской энциклопедической литературе. В 1967 г. слово «технология» означало «объект, материал и физические процессы, отделенные от человеческих существ», в 1987 г. добавляются строки о «взаимоотношениях технологии с жизнью, обществом и окружающей средой, обществом и окружающей средой», в 1998 г. в определение понятия технологии включаются ее последствия. В этом контексте утверждение формулы «высокая технология – глубокая гуманность» представляется как способность принять технологию, сохраняющую нашу человечность, и отвергнуть на нее посягающую²³.

И здесь снова можно обратиться к тезису о том, что дорогостоящие технологические возможности, направленные на поддержание благополучия человека, прежде всего его жизни и здоровья, обуславливают тот факт, что каждый случай их применения становится общественно значимым событием и не может быть проигнорирован, более того – нуждается в определенных механизмах соци-

альной регуляции. Последние должны быть направлены на предупреждение и защиту опасных последствий вмешательства в биогенетическую природу человека, покушения на его телесность.

Примечания

¹ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С.610–641.

² *Садовничий В.А.* Знание и мудрость в глобализирующемся мире: Докл. на Пленарном заседании IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». 24 мая 2005 г. М., 2005. С.18–19.

³ *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С.183.

⁴ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С.184.

⁵ *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С.108.

⁶ *Степин В.С.* Указ. соч. С.610–641.

⁷ *Водопьянова Е.* Другая наука: заказ инновационного общества // Свободная мысль. 2007. № 4(1575). С.134–135.

⁸ *Нежметдинова Ф.Т.* Защита прав и безопасности жизни человека в контексте достижений современных биомедицинских технологий (на примере деятельности этических комитетов) // Науч. зап. Казанской гос. акад. ветеринарной медицины. 2006. Т.189, октябрь. С.246–256.

⁹ *Садовничий В.А.* Указ. соч. С.10–11.

¹⁰ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы и дискуссии. М., 1986. С.79.

¹¹ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Указ. соч. С.78–79.

¹² *Callahan D.* Bioethics // Encyclopedia of bioethics / Ed. W.Th. Reich. N.Y., 1995. V.1. P.248.

¹³ *Ibid.* P.249.

¹⁴ *Тищенко П.Д.* Феномен биоэтики // Вопр. философии. 1992. № 3. С.104–113.

¹⁵ *Тищенко П.Д.* Указ. соч. С.104–113.

¹⁶ *Лопухин Ю.М.* Биоэтика и современная медицина // Врач. 2001. № 10. С.11.

¹⁷ Наука и общество на рубеже веков. М., 2000. С.64–65.

¹⁸ *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2004. С.18–19.

¹⁹ Там же. С.31.

²⁰ *Шайхудинов Р.Г.* Современные технологии власти // Вопр. философии. 2007. № 11. С.8.

²¹ *Степин В.С.* Указ. соч. С.30–31.

²² *Нейсбит Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Пер. с англ. А.Н. Анваера. М., 2005. С.11–12.

²³ Там же. С.38–41.